

Галина Зитнер

Глина

*Ты выбрался из грязи в князи,
но быстро князем становясь,
не позабудь, чтобы не сглазить,
не вечны князи — вечна грязь...*
Омар Хайям

Она была повсюду: засохшая, развязшая, хлюпающая, чавкающая, утрамбовано-звенящая, рыжая, серая, бурая вездесущая глина. Осенью она втягивала в себя резиновые сапоги в страстном засосе, стягивая их с ног. Сколько раз я плакала, оставив очередной сапог в этой густой жиже! Перед школой стояли длинные железные корыта, наполненные водой. Рядом валялись палки с накрученной на них мешковиной. Палки макались в воду, и мы оттирали эту вязкую массу с сапог, отскребали огромные ошметки с подошв чистилкой, неким подобием металлической рамки, необходимым атрибутом каждого входа в здание. Вода в корытах леденела в ночь, и наши пальцы крючило и сводило от холода. В школу запускали дежурные, строго оглядывая сапоги. У входа же надевались тапки, и очередной школьный день средней школы вяло запускал ход.

В этой глине мы играли, сколько себя помню, и в голопузом детстве. В песочнице лежал рыжий песок вперемешку с глиняной рассыпчатой пылью, а на мне мне был оранжевый застиранный «песочник». Это такие шароваристые трусики на резиночках внизу, с грудкой спереди и на переkreщающихся сзади ляпочках. Мы «варили» супчик для кукол (а иногда и для подружек) из травы и глины. Трава нарезалась маленьким пластиковым ножичком из набора детской посуды, растиралась с грязью и заливалась застоявшейся водой из водо-

сборной бочки. А ещё мы делали кесю-месю! Рецепт прост: в ямку с сухой глиной наливается какая-нибудь вода и содержимое ямки месится руками. Готово! Здесь был важен процесс приготовления: возня с сопением по локоть в вязкой грязи, пропускание этой массы сквозь пальцы и звонкие пошлёпывания по мягко-упругой поверхности.

Другой клички, чем Глина, я в этом городе и получить не могла. Ну подумай, что ещё рифмуется на имя Лина? Лина-Глина из Берлина! Наличие собственного Берлина в нашем маленьком степном городке меня тогда совершенно не смущало. В городе было много неформальных районов с не всегда объяснимым и названиями, друживших или воевавших друг с другом стенка на стенку. Мой «Берлин» лежал на окраине городка Бугуруслан Оренбургской области у большого пустыря, весь застроенный разномастными домиками с палисадниками, с грунтовыми дорогами, укатанными в колею, и собачьим лаем за каждым забором. Совершенно нормальным казалось мне то, что у большинства моих соседей, как и у нас, были немецкие фамилии. Собственно чужеродными они мне даже и не казались — фамилии как фамилии: Шнайдер, Циммерман, Ленц, Бальцер, Барт, Миллер... Что такого?

В странном городе, со странным именем Бугуруслан, живут люди со странными фамилиями. Всё нормально!

Чего только не передумаешь, лёжа завернутой в белую простыню, под которой я обмазана с ног до головы ей, родимой-тёплой и нежной глиной! Правда эта грязь особого сорта-лечебного, можно сказать чудодейственного, и добыта она, вероятно, где-то на местных болотах.

«Alles gut bei Ihnen?», — заботливо поинтересовалась у меня милая дама средних лет, с короткой стрижкой и забавными розовыми «пёрышками» в волосах.

«Danke, alles bestens!», — с обязательной приветливостью отвечаю я, хотя «включать» дежурную вежливость нет необходимости: мне и правда страшно уютно в этой грязи! Чувствую себя каким-то эмбрионом в тёплой утробе. Мысли бродят в полудрёме в моей голове.

Эк, поболтало меня по свету, однако! И кто бы мог подумать, что я, как глина, взболтанная в стакане воды, осяду на дно именно в Берлине! В настоящем Берлине, в столичном. «Из Берлина в Берлин, или долгая дорога из российской провинции в столицу Германии», — усмехаюсь я внутренне. Хотя почему бы и нет? Забавный эпос получился бы о том, как я когда-то, подобно хоббиту Бильбо, отправилась расширять границы моего маленького мирка.

«Das war's schon!», — прерывает мои мысли работница курорта. Пора выбираться из грязевого кокона. С сожалением выползаю с её помощью из моих простыней и встаю под

душ. Чёрная торфяная жижа течёт с меня. Странное ощущение- как будто кожу меняю, перерождаюсь.

Курорт (Kurort) — ещё одно слово немецкого происхождения, как плацкарта (Platzkarte), твёрдо засевшее в русском языке. Когда-то ездила я с мамой поездом на курорт в западную Украину. Моя первая маленькая заграница. Поезд проскакивал одно селение за другим, и вдруг крашенные и не очень крашенные заборы сменились беленьким хатками с какими-то весёленький цветочками перед ними. Грязи перед домиками я тогда не разглядела, а может и не было её там. По крайней мере в курортном городке Моршин она тоже кое-где присутствовала, например, во дворе пани Стефани, где она держала курочек и жирного хряка. То, что пани Стефани- хозяйка дома, где мы снимали кровать, и мои новые подружки во дворе говорили, помимо русского, на другом языке, было в моём мире правильным и вовсе не удивительным. В моём Бугуруслане каждый второй носил свою маленькую тайну «нерусскости» с собой. Однако, если татарский и мордовский языки слышались на улицах частенько, то немецкий прятался за заборами домов или шептался бабушками на скамейках.

Заворачиваюсь в пушистый белый халат и иду выгуливать себя на солнечную террасу. Курорт Бад Заров под Берлином ещё Максим Горький уважал и жил даже здесь. Очень я его в этом понимаю. Мои бывшие, а теперь нынешние соотечественники тоже любят и ценят это место. Взгляд выдёргивает «наших» невольно из любой толпы. Осталось что-то в этих осторожных взглядах и в потребности держаться особняком.

Более 9000 немцев втянула в себя глина Бугуруслана. Российских немцев с Поволжья. Эшелоны репрессированных в годы второй мировой войны, изгнанных из своей поволжской родины, пригнали в город на трудовые работы. Они растворились, рассосались, как будто обмазались Бугурусланский глиной и стали незаметными. Выучили русский язык, кто не знал, приспособились к местной жизни, как могли, и стали вариться дальше в южно-уральском котелке культур. Ничего подобного я тогда в детстве не знала, а растерянно моргала глазами и, шмыгая носом и вытирая руку об оранжевый песочник, доказывала вьедливой тётке, живущей

по соседству, что папа мой не иностранец и зовут его не Адольф, а папа Адик!

«Mama, я топчилась im Wasser! Voll lustig! Ты видела, да?», — звонко звучит над моим ухом. Девочка лет пяти, вся перемазанная песком и грязью, радостно шлёпает мимо меня к своим родителям. Мамочка в белом курортном халате, хватая себя за голову, подпрыгивает со своего лежака, где она

минуту тому назад блаженно возлежала:

«Алина, где же ты Pfütze нашла?»

Внутренне ликую и похихатывая в душе, откидываюсь в своём кресле, устраиваюсь поудобней. Думаю, это не девчуха лужу нашла, это лужа её нашла! Глина, она такая. Прилипчивая штука.

Berlin 2021

Иллюстрация автора

ОБ АВТОРЕ:

Галина Зитнер/Galina Sittner в разное время изучала педагогику, германистику и изобразительное искусство. В девятых годах впервые уехала на родину предков в Германию. В России была активным участником культурно-просветительской деятельности в самоорганизации российских немцев. Большую часть жизни посвятила преподавательской деятельности. Член Содружества русскоязычных литераторов Германии СЛог.